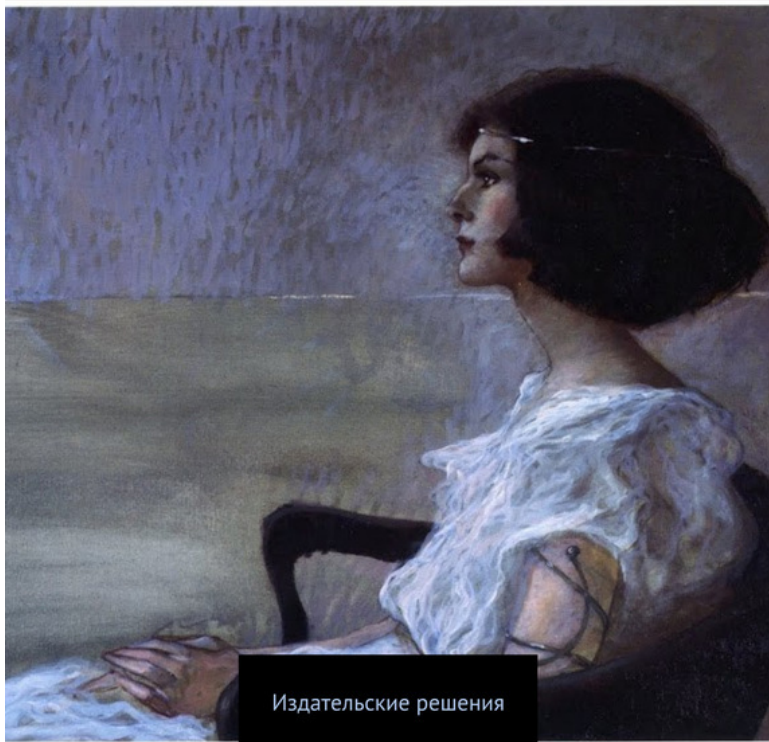

ПЁТР ЛОНГИН

Путешествие в ЭДЕМ

Исторический триллер

Издательские решения

Пётр Лонгин

Путешествие в ЭДЕМ.

Исторический триллер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8200751

Аннотация

Три сюжета, три ассоциативных ряда в равной степени формируют наше актуальное «я» – историческое прошлое, историческое настоящее и историческое будущее.

Но, поскольку «исторического будущего» для нас ещё не существует, назовём его «футурологическим неизвестным»... Наше актуальное «я» нам тоже неизвестно процентов на тридцать, поскольку примерно в этом соотношении оно ведёт своё происхождение из неведомого будущего.

Содержание

Глава первая. ЭМБРИОНАЛЬНОЕ	4
Глава вторая. «Я ИДУ ПО УРУГВАЮ»...	10
Глава третья. КАК Я СТАЛ ДУХОВИДЦЕМ	28
Глава четвёртая. ГОСТИ С ПОГОСТА	40
Глава пятая. АД ПРИЕХАЛ В ПЕТРОГРАД!	47
Глава шестая. ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ НАСЛАЖДЕНИЙ	58
Глава седьмая. ПЕРВЫЙ СОН ИВАНА	67
Глава восьмая. ГУЛЯНИЯ НА ВАСИЛЬЕВСКОМ	73
Глава девятая. РЕВОЛЮЦИЯ НАВСЕГДА!	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Пётр Лонгин

Путешествие в ЭДЕМ

Исторический триллер

Невероятно до смешного:

Был целый мир – и нет его...

Вдруг – ни похода ледяного,

Ни капитана Иванова,

Ну абсолютно ничего!

Г. Иванов

Глава первая. ЭМБРИОНАЛЬНОЕ

Когда ещё матушка моя была мною брюхата, она не хотела меня рожать. Впоследствии, когда уже было поздно, она мне так и сказала: «Травила тебя, сволочь такая, да так и не вытравила. Ну и ладно: живи, раз таблетки не помогли!» Ну, я и зажил.

А вот кто я такой, не имею понятия до сих пор. И общее ощущение такое, будто я все эти годы готовился-готовился, но так и не сумел родиться.

Может, всё-таки мамины таблетки помогли?

Появился я на свет в 1952 году в стране под названием «СССР», которую невзлюбил довольно скоро, имея к тому

достаточно существенные основания.

Мать, которую я уже упомянул, была сибирячкой по рождению, геологом по образованию, женой весьма примечательного и немолодого мужчины, матерью двоих сыновей и одной приёмной дочери. Соответственно, у меня был брат старше меня на восемь лет, с которым мы жили как кошка с собакой, хотя и спали на двух плотно сдвинутых кроватях – до тех пор, пока он не ушёл в армию на целых три года. Помню, когда он вернулся домой, то показался мне ещё глупее того, каким уходил. Впрочем, брата своего я несомненно любил, – просто с трудом выдерживал с ним общение, которое имело тенденцию бесконечно усугубляться.

Мы с братом были очень разные даже внешне: он походил на мать и, видимо, на всю её отцовскую линию полутатар-полукомипермяков – скуласт, тёмнен, раскос и волосат; а я был копией своего отца – русоволос, светлокож и на фоне своих сверстников отличался правильностью черт лица, за которую эти же сверстники частенько обзывали меня то «немцем», то «французом».

Ещё у меня была сводная сестра (дочь пропавшего в начале войны советского кадрового офицера и маминогo брата), которую лет до двадцати я считал родной. Внешне она была похожа на бабушку по маме, и ничего общего не имела ни с внешностью моего брата, ни с моей. Но, большую часть моего сознательного детства сестра сперва училась в своём родном Ленинграде, а потом уехала по распределению в Воро-

неж. Её приезды под семейный кров на студенческие каникулы я помню как череду трепетно ожидаемых праздников. Рядом с ней мне всегда хотелось быть старше, красивее и умнее. Она привозила с собой книги и кипу пластинок с классической музыкой в очень красивых обложках – чешских, венгерских, польских... И я потом годами слушал их – между всеми радостями и неприятностями подростковой жизни в своём родимом захолустном хулиганском полу-посёлке Страны Советов. Читал античных авторов, средневековые романы, русскую и мировую классику, поэзию серебряного века, классические философские труды – то есть рос довольно нестандартным провинциальным хулиганом, чем не гнушался шокировать всех, с кем был знаком или не знаком.

О том человеке, что был моим отцом, я до сих пор практически почти ничего не знаю. Он оставил по себе только множество догадок. Наверняка знаю только, что он не был похож абсолютно ни на кого из всего моего обозримого окружения. Он отличался от всех буквально всем, включая выражение лица, походку и осанку – на фоне привычного своего окружения он выглядел спустившимся на землю полубогом, звездой, упавшей в заурядную лужу, тщетно изображающей обычный бутылочный осколок.

Когда мне лет в пять подарили на День рождения игрушечную саблю, отец сочувственно поведал мне, что в своё время у него тоже был боевой клинок под названием «палаш», но ему однажды, при туманных для меня обстоятель-

ствах, пришлось утопить его в уличном сортире. В детстве мы ходили вдвоём с отцом на охоту или за грибами; и тогда, во время продолжительных лесных переходов, мне иногда перепадала удивительная информация из отцовских уст.

Например, я вдруг узнавал, что в какой-то период жизни ему, оказывается, подавали французский коньяк с французскими же закусками прямо в его личный вагон его служебного поезда... Или вдруг начинал рассказывать мне про «живые сыры» или устриц под лимонным соком, про фуа-гра или про оленину под беарнским соусом... Он, видимо, вспоминал подобные вещи просто потому, что у него разыгрывался на свежем воздухе аппетит; но, делиться со мной более существенными подробностями своей биографии он, похоже, не стремился, и вряд ли даже планировал это сделать в будущем.

Мне исполнилось двадцать лет, когда от овдовевшей матери я впервые узнал что в начале двадцатых отец был приговорён к смертной казни (обвинительницей была неведомая мне на тот момент Розалия Землячка); потом этот приговор почему-то был заменён сроком, и в конечном счёте отец провёл в лагерях восемнадцать лет – до военного 1943 года... На похороны отца я приехал из армейской части с опозданием – телеграмма нашла меня на дальнем полигоне, где проходили длительные групповые учения; поэтому попрощаться с ним я даже не успел. (Впрочем, как и познакомиться.) Расстались с ним как-то почти совсем незаметно, «по-англий-

ски»...

Или наоборот – так и не расстались: так, по-прежнему, и бродим с ним вдвоём нашими лесными тропами.

Наступившим летом того же 1973 года я, демобилизовавшись из армии, снова бродил по знакомым лесным маршрутам уже один. Лес был, как в детстве, прекрасен, – полон, тайн секретов, недоговорённостей, – как длящиеся монологи отца.

И ещё один член семьи моего детства – бабушка по матери. Урождённая в 1885 году в селе Бельск Черемховского уезда Иркутской губернии, Вера Родионовна Лесневская, из семьи сибирского ссыльного поляка. Вдова того самого волосатого и раскосого полутатарина, который почему-то однажды «проклял» сыновей из рода моего отца (то есть, меня с братом) и, после этого резко и надолго куда-то исчез... Через полгода его нашли местные грибники повесившимся в том же самом лесу, где мы с отцом потом бродили.

Это было за несколько лет до моего рождения, поэтому мне пришлось впервые увидеть деда только на пожелтевшем бабушкином свадебном фото. Это был зажиточный и крепкий сибирский пролетарий, которого пустила по миру, затем обобрала до нитки, отняла всех сыновей, и в конце концов довела до смертельного отчаяния родимая советская власть.

Я долго смотрел на эту фотографию, не отрывая изумлённых глаз. Рядом с девушкой, отдалённо напоминающей мою сестру, стояла, практически, копия: моего старшего брата.

С огромными чёрными усами!

Глава вторая. «Я ИДУ ПО УРУГВАЮ»...

*Я иду по Уругваю,
Слышны крики-голоса:
Помогите, убивают!
Раз-де-вают догола!*

Слова этой отвязной песенки, стилизованной под «буржуазный обезьяний» джаз в «три аккорда», гремели тёмными ночами моего детства. Их пели группы приклатнённых подростков, шнырявших по городку ночи напролёт в поисках криминально-романтических приключений. Когда эти группы неожиданно встречались – после короткой словесной перепалки, снимались армейские ремни с впаянной в бляху свинчаткой, надевались на руки свинцовые кастеты, вынимались ножи и... начинался практический поиск истины. Кто-то убегал домой и возвращался уже с обрезом; и тогда это временами переходило в натуральные военные действия с твёрдым территориальным обозначением: «Клепиха против Леспромхоза», «Бугры против Курмыша», «Базар против Карьеров»... Практически не было в нашей послевоенной советской глубинке такой ночи, которая не напомнила бы школьнику о недавнем взятии, если не Берлина, то Будапешта.

Летнее утро наступало рано. Солнце едва поднималось со стороны Устимского пруда, как тут же раздавался рожок пастуха и громкие, раскатистые хлопки его бича об асфальт. Все утренние звуки вдруг отступали, и улица наполнялась мычанием и топотом коровьих копыт – начинался ежеутренний ритуал шествия общественного стада на выгон. У каждого дома распахивались ворота, и деловитая хозяйка выводила свою скотинку на божий свет; угощала на дорожку хлебом-солью и наблюдала, как та с покорным удовольствием встраивается в общее стадо, грузно движущееся в сторону душистого разнотравья. Деловитые волчарки с невообразимо обаятельными и свирепыми мордами наводили порядок на флангах, ворча на коров и покусывая за ноги тех представительниц парнокопытных, кто, по их экспертному мнению, был нетвёрд в соблюдении правил коровьего строевого порядка.

Стадо, не спеша, проходило за окнами, и наступала недолгая тишина, перемежаемая щебетаньем птиц и звуком несчастных шагов за окном.

Потихоньку возникали детские голоса и неспешно начинали накатывать, как шум прилива; усиливаясь всё более и более, пока не заполняли собой всё уличное пространство! Шквалы голосов... Это шумело моё юное послевоенное поколение. О том, насколько оно было огромно, я начал понимать только с годами – когда это же самое поколение, следуя какой-то внутренней трусливой установке «не плодить

бедноту», в результате произвело по одному (порой, чахлому и дегенеративному) ребёнку на всю свою «соц. развитую» семью.

Теперь этих голосов уже не слышно...

Но, если закрыть глаза и представить, что ты солнечным днём лежишь в родительском доме с простудой, то эти голоса возвращаются и заполняют собой всё мыслимое пространство. Вот большой Устимский пруд звенит в отдалении, словно безграничная скифская степь – нескончаемым плеском детских тел и бесконечным детским визгом... Вот, в сквере почти под самыми окнами шумит большой футбол: одна команда, численностью в шестьдесят голодных полуоборванной восьми-двенадцатилетнего возраста бомбит ворота другой «элитной» команды, состоящей из десятка продвинутых блатных подростков, пары демобилизованных солдат и нескольких фиксатых вчерашних зэков. Мужики стараются – из кожи вон лезут, но сопливая шпана ловко и забавно впаривает им один гол за другим...

Я хорошо помню ещё довольно молодых фронтовиков в 50-х, начале 60-х годов. Их было много, они были везде: в семьях, на улицах, в поездах, в больницах, в самых разных учреждениях – всюду. Куда ни сунься – если мужик, значит в 9 из 10 случаев, фронтовик. Я помню их выбитые пулями и изрытые осколками безногие и безрукие тела на городском пруду – множество тел в выгоревших до белизны чёрных семейных трусах. «Московскую особую» (называе-

мую «зелёной»), и «плодово-ягодное», и убийственно-сивушный запах самогона – под варёное яичко с молодой крапивкой и чёрным хлебом на газетке; махорку и дешёвые папиросы «Прибой»... Помню их сумбурные беседы, переходящие в шумные скандалы, заканчивающиеся дракой – чем попало, куда попало, в принципе – кого попало... Безногий фронтовик Миша-Труба внушал смертельный ужас всякому, кто мог повстречаться ему на улице на расстоянии удара костылём. Бил, не задумываясь; в убежавший «предмет» метал один за другим оба своих орудия. Потом, хрипло матерясь, ползал и собирал их по улице. Однажды его трубные вопли перестали быть постоянным звуковым уличным фоном, и в тот же день выяснилось, что ночью Мишу «порезали»...

Первые лет 15—20 после войны молодых ещё фронтовиков сносили на кладбище практически каждый день. Зимой они замерзали, летом тонули, круглый год гибли в поножовщине, «сгорали от водки», кончали самоубийством... Куда-то ехали, что-то искали, где-то скитались – жили на вокзалах, в поездах. И там же – неприкаянные умирали.

Нет, что-то не приживались фронтовики в массе своей в этом отвоёванном ими мире. Почему-то упорно не верили они ему и даже люто презирали. Да они, собственно, после этой войны вообще ни во что не верили – ни в Божий суд, ни в человеческую справедливость.

«Такая была война!» – рыдал, скрипя зубами, подвыпив-

ший однорукий сосед дядя Коля Пронин и кивал в сторону жилья другого соседа – солидного и официального Валерия Валентиновича: «Напился кровушки, красный клещ – васильковые погоны!»

Когда у дяди Коли интересовались причиной его необузданного невнятного гнева по поводу прошедшей войны, удивлялся: «А немец-то при чём?»; и, воздевая культю по локоть в сторону соседского дома, торжественно резюмировал: «Вот эта падла, детки, хуже любого гитлера!»

Численное преобладание именно подобной категории людей, прошедших войну (а война коснулась всех без исключения), было настолько очевидным, что не могло не смущать здравый ум, формирующийся в атмосфере вопиющих нравственных и фактических противоречий...

Человек, проходя по улице, видел одно. А зайдя в учреждение – получал официальное заверение в том, что видел на улице совсем другое. А если требовалось – то и личную подпись ставил под тем, чего не видел... И в отношении памяти о войне действовала та же жёсткая цензура.

Дядю Колю однажды всё-таки увезли – несмотря на его инвалидность и тринадцать детей, которых он начал строгать ещё в довоенные годы. Вернулся он года через четыре – иссохший, скрюченный, молчаливый, с печатью совершенной отчуждённости на лице. За время его отсидки умер от болезни, полученной в результате травмы позвоночника, его послевоенный тринадцатый ребёнок – мой тёзка и ровесник,

с которым мы росли вместе до 10 лет. Дядя Коля пережил своего последыша совсем ненадолго – умер через несколько недель после возвращения. Было ему тогда лет (страшно подумать!) – всего-то за сорок... Земля ему пухом!

У дяди Коли было мало наград: медаль «За отвагу» да Орден красной звезды, которые он надевал редко – только по праздникам. За кого дядя Коля воевал?.. Он декларировал этот тезис следующим образом: искал глазами своих ребятшек и, ткнув в них пальцем, отвечал: «А вот за них! И за Клаву, конечно» (жену).

С кем же дядя Коля воевал за своих жену и детей? Складывалось впечатление, что вовсе не с немцами – а, скорее, со своим же соседом Валерием Валентиновичем, служившим в каких-то особых, вражеских войсках... «Чтобы их немцы не расстреляли?» – спрашивал я его, продолжая разговор про детей. «Немец-то при чём?» – удивлялся дядя Коля моей тупости: «С немцами-то мы воевали!.. Чтоб жиды их тут насмерть не загрызли – за это вот я и воевал!».

Я ещё в детстве понял, что принадлежу к тому биологическому виду, который, видимо, в силу собственной природы, невероятно много и целенаправленно врёт. Тем не менее, меня уже в детстве искренне поражали те записные ветераны, которые с удивительной лёгкостью опровергали то, на чём решительно настаивали всего минуту назад. Переход к некой «официальной» роли происходил на глазах – практически мгновенно и абсолютно «на голубом глазу». Эта вир-

туозная лёгкость лжи в окружающих советских людях меня буквально парализовала... Впрочем, готовность к вере в любую, самую фантастическую, ложь, которую опровергало простое сопоставление пары лежащих на поверхности фактов, удивляла меня в людях ничуть не менее... Когда я в положенный срок поступил в школу, к нам в класс на «уроки патриотизма» ходили совсем другие, чем дядя Коля, ветераны (в том числе и сосед Валерий Валентинович, который «хуже любого гитлера») – с рассказами о массовом героизме и сознательности советских людей в годы защиты «своего социалистического Отечества». И детям нравилось в это верить. А как же не верить, если нравится?... Зачем же подвергать сомнению то, что, не требуя от нас каких-либо нравственных и интеллектуальных затрат, определённо может польстить нашему самолюбию?

Так до сих пор и живём – в гордом неведении, в упрямом забвении правды – упрямо поддерживая комфортную для нашего самоощущения и выгодную для кого-то ложь, умножая на нашей земле количество слепорождённых.

Но прозревать не хочется – прозревать тяжело. Прозревать – больно. Слепорождённые, впервые увидевшие мир в результате хирургической операции, переживают сильнейший шок – впадают в тяжелейшую депрессию. Оказывается, прозрение настолько невыносимо, что многие из числа прозревших находят смысл дальнейшей жизни в том, чтобы вернуться в своё привычное незрячее состояние – возвратиться

себе свой обжитой и уютный, свой воображаемый мир.

Иначе как в этом мире жить с той правдой, которая ставит на наших мировоззренческих иллюзиях один неотвратимый крест?.. И, орденосный наш дедушка – вовсе не герой, а несчастный подъярённый человек – оставивший своим внукам не место под солнцем в родной стране, а те же самые цепи, тот же незримый прицел в затылок, которыми погнали его, несчастного «вынужденного отцеубийцу», лишая счастливого шанса на спасение страну его собственных дедов и внуков...

Однажды, в шестилетнем возрасте, мне показалось, что начать жить в полном соответствии со своей совестью довольно просто...

Одним из самых болезненных ощущений моего детства, являлось то, что меня окружали, в сущности, сплошные маленькие живодёры. Беспризорные кошки и собаки даже лапой боялись ступить при свете дня на открытой территории нашего городка. Дети их не просто сразу же убивали, – их убивали мучительно, отдаваясь процессу «всенародной казни» несчастного животного со всей фантазией и упоением собственной причастности катарсическому общественному восторгу – тому, что «выше любой индивидуальности». Страдания изощрённо убиваемого животного, казалось, являются дополнительным источником морального удовлетворения маленьких палачей... Картина этой фактической «социальной модели» «справедливейшего общества на плане-

те» периодически возникала у меня перед глазами... В дополнение к этому, я ясно видел, что взрослые люди относятся друг к другу совсем не лучше, чем их дети – к тем же кошкам и собакам. Картины того, как десяток вооружённых, выданными из забора досками, советских молодых (и не очень) людей избивает одного-единственного, лежащего на земле в луже собственной крови, мне тоже приходилось видеть. Так что, ещё мало, что понимая, я уже предметно знал, что «народ» – это страшная, злая и античеловеческая стихия. Потому и власть в СССР – «народная»...

Я чувствовал, что родился на этот свет в крайне «неудачное время», в совершенно непригодном для осмысленной и счастливой жизни месте, – среди огромного ещё, внешне сильного, но «смертельно подраненного» народа – на этапе его глубокой деградации, перед закономерным уходом в историческое небытие...

Не знаю, что руководило моим отцом, когда, в возрасте моих шести не полных лет, он, во время нашего визита в Москву, однажды привёл меня к мавзолею на Красной площади... Выстояв большую но необременительную очередь на свежем воздухе, отец взял меня на руки, и в приглашенном траурно-торжественном освещении мавзолея я увидел двух мирно спящих румяных (пышущих каким-то попусторонним здоровьем!) людей. Один – лысый с рыжеватой бородкой, другой – с характерными усами и шевелюрой, оба – в одинаковых полувоенных френчах. Оба – мои давние

и близкие знакомые Ленин и Сталин, – я их сразу узнал...

Вот оно – наивысшее достижение советской науки: её полная и окончательная победа над здравым смыслом. Покойникам более не обязательно разлагаться – трупы при советской власти, оказывается, могут жить вечно, будучи «живее всех живых».

И «живой» труп России теперь смердит всему миру уже почти целое столетие...

Однако, то энергичное копошение трупных паразитов в его мёртвой плоти, те происходящие с ним внешние метаморфозы («маски смерти»), та галлюциногенная «сладкая» вонь, которые сопутствуют химическому разложению, у большинства свидетелей этого медленного («поэтапного») гниения искусственного «российского государства» создают навязчивую иллюзию «жизни» самого трупа.

Это упорное неразличение живого и мёртвого свидетельствует о глубоком национальном обмороке, в котором пребывает уже несколько поколений дух сотен миллионов людей, в силу (ныне уже вырождающейся) традиции называющих себя «русские».

Поддаваясь этой иллюзии, осиротевшие, «атомизированные» потомки некогда великого русского народа бурно копошатся – кучкуются, грызутся в трупе России вместе с пришлыми опарышами-интервентами, галлюцинируя таким образом уже почти целое столетие: бредят своей «великой» помертвой «историей» (которой нет и быть не может), «до-

стижениями» (обращенными себе же во зло), «территориальной целостностью» (доедаемой изнутри плоти), «победами» (которые горше и самоубийственнее любого поражения), чаяниями будущих благ и перспектив – в совершенном отсутствии, как действительных реальных перспектив (кроме дальнейшего опустошения земных недр, ради процветания советской касты криминальных и полукриминальных потомков инициаторов и экзекуторов кровавого упразднения России), так и в отсутствие самого будущего...

Позже, на заре своей юности, когда я впервые познакомился с обычаями и жизнью советского рабочего коллектива, где сосредоточена самая квинтэссенция «социалистических» взаимоотношений, я открыл для себя две центральные темы, вокруг которых, собственно, и вертелась вся насыщенная внутренняя жизнь советского человека – секс и насилие.

Например, средних лет пролетарий присоединялся к группе рабочей молодёжи, привычно дымящей в заводском закутке вокруг мусорного ведра, и почти без предисловий начинал рассказ о своих боевых подвигах и приключениях, когда он, будучи рядовым пехотинцем Красной Армии, «освобождал» от нацистов Восточную Пруссию...

О, это был праздник именно той свободы, которую несла героическая Красная Армия народам всего мира! «Герои» насильствовали и убивали, всё, что двигалось или подавало хоть какие-то признаки жизни в их поле зрения, не обращая внимания на пол, возраст и даже на национальную и классовую принадлежность.

вую принадлежность своих жертв... Всех, без исключения, подобного рода рассказчиков-ветеранов особо восхищал героизм и смекалка советских танкистов, умудрявшихся оставить свои кровавые «визитные карточки» даже в таких экзотических местах Восточной Пруссии, как католический женский монастырь или протестантский приют для детей-сирот.

Или прямо на шоссе на дороге, где советская танковая колонна догоняла мирную колонну местных жителей, убегающую от ужаса той «свободы», которую триумфально несла нацистской Германии непобедимая Красная Армия... В кругу рабочей молодёжи эти рассказы не вызывали сколько-нибудь заметного отторжения... Совсем напротив, молодёжь, в основной своей массе, скорее сочувствовала и радовалась за того счастливицу, на чью долю однажды выпала такая боевая свобода безнаказанности в ни чем неограниченной власти над другим человеком...

Теперь я знаю, кто именно претендует на звание ключевого советского архетипа – товарищ Андрей Романович Чикало, Alter Ego и сокровенный внутренний герой собственного скромного общественного «я» всякого «положительного советского человека»...

В Монголии, ещё со времён Чингисхана, существовал довольно интересный обычай – варить живьём своих пленников в котлах, предназначенных для варки баранов целиком, и затем коллективно пировать, запивая их кумысом. Скажите, разве это не самый настоящий советский Праздник По-

беды, каковым он должен быть изначально?..

Этот ордынский обычай, прямо скажем – малосимпатичный. Но, он почему-то совсем не накладывает той негативной печати на здоровое отношение к современным потомкам монгольского народа, каковая, естественным образом, возникает, когда анализируешь послереволюционный период жизни и вновь приобретённые обычаи того народа, который до сих пор упрямо именуется «русским»...

Понятно, что в языческий период своего исторического становления наши предки поднялись из такого зловонного гумоза, о предпочтительности сравнительных парфюмерных качеств которого нам всем просто неприлично и глупо сегодня спорить. Но, нравственное падение русского народа, довольно справедливо ранее именовавшегося «христианским» (при сравнении с иными индо-европейскими народами), – падение в самую зловонную бездну неоязычества произошло уже в период «новейшей истории» – практически в историческое одночасье...

Измена и предательство – это прежде всего измена и предательство лучшему в себе. Для народа христианского, это прежде всего измена своему чаемому христианскому Богоподобию. Хуже всего, что это не какое-то «разовое предательство», случившееся давно – «сто лет назад», – это ежедневное и непрерывное предательство самого себя, стремящееся к своей максимальной актуализации во времени и пространстве.

Это нравственная раковая опухоль, имя которой «советизм», проявляющий себя иногда почти «по-христиански» как «естественная» приязнь к своим «советским предкам» и их «достижениям» – болезнь, которая уморит всех нас гораздо раньше, чем нам придёт в голову, как-то всерьёз с ней бороться...

Где-то на рубеже шести лет у меня наступил некий своеобразный кризис «старшего дошкольного возраста». Я начал задыхаться от того, что просто продолжал дышать тем же самым воздухом, в котором был рождён...

Наш дом стоял почти у самого леса. Достаточно было перейти дорогу, чтобы по утоптанной тропинке, огибающей сараи и сеновалы, попасть в настоящий сосновый бор. Деревья тёмной стеной высились над строениями противоположной стороны улицы и с давних пор смущали мой ум.

В детстве я хорошо знал, что если долго идти по этому лесу, то попадёшь в степь; когда кончится степь, начнётся пустыня; а там – за горами и морями лежит совершенно очаровательная страна Африка.

Африка – это «Эдем» моего детства. Учёные, кстати, полагают, что мы все – родом оттуда...

Однажды, в шестилетнем возрасте я решил радикально изменить свою судьбу (а заодно и отягощённый несовершенством окружающий мир). Надел на руку компас, собрал в рюкзак нехитрый скарб и отправился в своё далёкое межконтинентальное путешествие в «свой Эдем».

Я намеревался построить себе плот на берегу реки Оки, спуститься на нём в Волгу и затем по Дону (попутно меняя мир к лучшему) доплыть до Чёрного моря. В моём плане с самого начала было такое множество белых пятен, что я даже и не озадачивался последующими деталями. Главное – сделать первый шаг, чтобы потом помнить, что самое главное в своей жизни я, возможно, всё-таки сделал.

Родителей я, естественно, не стал посвящать в свои планы – ограничился прощальным письмом с минимальным количеством орфографических ошибок и максимальной уверенностью в завтрашнем дне. Встал на рассвете, позавтракал в саду чёрной смородиной и крыжовником и осторожно выскользнул за калитку...

Боже, как нов и чудесен был этот мир! Как он был прекрасен и как уязвим...

Это теперь я понимаю, что детство – невероятно тяжкая ноша. В детстве мы тайно убеждены, что в жизни всё уже решилось и произошло без нашего в ней участия; что мы неправимы – раз и навсегда, опоздали на безвозвратно отшумевший праздник жизни. В детстве мы больше всего боимся, что никогда его не переживём. Но совсем не каждому из переживших удаётся вырваться из детства неискалеченным... Я это вижу практически всякий раз, когда близко общаюсь со взрослыми людьми.

К сожалению, я совершенно упустил из вида, что среди множества сложностей и препятствий мне прежде все-

го необходимо беспрепятственно преодолеть миниатюрную лесную речку под названием «Ёлзга». Именно с ней у меня и возникли непреодолимые проблемы...

За первым же леском – километрах в полутора от дома, на открытом пространстве, похожем на высохшее русло какой-то древней широкой реки, протекал ручей. В ручье водилась разнообразная живность – от рыбки-малявки, чёрных вьюнов, миниатюрных «карликовых карасей» до тритонов и речных живородок. Обыкновенно ручей не столько протекал, сколько стоял, образуя довольно внушительные заводи, в которых можно купаться; и, видимо, поэтому носил гордое наименование речки Ёлзги. Между тем, Ёлзга становилась полноводной рекой только весной, в период бурного таяния снегов, а так – извините: взрослому человеку только ноги помыть да корзинкой дно поскоблить, если в доме совсем есть нечего.

А с едой всё обстояло стабильно: в домах провинциальных советских обывателей давно и часто было нечего есть; поэтому советские детишки рано учились понимать, что еда – это, прежде всего, их собственный промысел и личное везение. Бегать с удочками или бреднями к подходящему водоёму, таскаться по лесам с корзинкой и предусмотрительно заряженными «поджигными» (иногда сработанными совершенно виртуозно – на уровне гладкоствольного охотничьего оружия) приходилось не удовольствия ради, а ради – самой своей жизни на грешной Земле.

Путившись в дорогу, надо быть готовым, что в голову могут прийти самые разнообразные мысли. Я, как большинство моих сверстников, в этот период думал о необъятном космосе...

Космонавтика, конечно, дело хорошее, однако главным достижением коммунистической партии и советского правительства за все годы советской власти я считаю издание эпической «Книги о вкусной и здоровой пище».

Откроешь, бывало, солидный, увесистый гробсбух, а там – еда...

Чтоб занятнее было любоваться картинками, бывало, обольёшь краюху чёрного хлеба подсолнечным маслом, посыплешь солью – и вперёд! А если всё то же самое, но вместо соли сахарный песок – это уже изысканный десерт...

Подумаешь – человека в космос запустили; я до сих пор удивляюсь: почему не сразу на Марс?.. Могли бы – если б захотели!

Сейчас-то я понимаю, что «хлеб в виде зрелищ» – это действительно наивысшее достижение коммунизма в его практическом воплощении. Освоение космоса – обычный советский выпендрёж перед иностранцами и глум коммунистического конгломерата честных жуликов и продажных недоумков над своими советскими («как-бы») согражданами.

Тем более, что вскоре после полёта Гагарина в космос, хлеб (в буквальном смысле) надолго исчез из свободной продажи; и ежедневные 5—6-тичасовые отстаивания очередей

за полбуханкой на одного члена семьи запомнились как одно из основных впечатлений моего детства.

12 апреля я тоже помню: прихожу домой, а папа с мамой веселятся.

Отец мне говорит: «Слышал, космонавта запустили?»

А я как-то резко обалдел и спрашиваю: «Куда?»...

После моего вопроса родители развеселились ещё сильнее...

А на Ёлзге (что по пути моего первого путешествия в Эдем) я тогда встретил внушительную компанию незнакомых пацанов и подростков, промышлявших малявкой и соревнующихся в стрельбе по мишеням из «поджигного», которые меня просто побили и отобрали у меня всё, что нашли, вместе с компасом и рюкзаком.

Побили, кажется, не сильно... Но, кажется, именно после этого случая я и начал ускоренно взрослеть.

Глава третья. КАК Я СТАЛ ДУХОВИДЦЕМ

Как-то, уже взрослым человеком, случилась мне несколько дней бродить по лесам озёрного юго-запада области – с ружьём, в компании с лошадьё и собакой.

Мерин был старый, добрый, задумчивый и, как бы, немного ироничный. Спаниель Кай – деловой кобель в расцвете сил и таланта – нахал, бретёр, но надёжный товарищ и опытный охотник.

Нам троим хорошо было вместе. Тем более, каждый из нас был занят своим делом: мерин нёс нетяжкую поклажу и со сдержанным торжеством подставлял мне спину, когда мне хотелось прокатиться верхом; спаниель, азартно кося глазом, неутомимо исследовал местность вдоль и поперек нашего пути; а я – не то чтобы на ходу «много думал», скорее, словно влюблённый, переживал открытие своей вещественной причастности самим тайнам бытия, которые вдруг открылись мне прозаически просто – в студенческом изучении профессионального режиссёрского метода действенного анализа.

Выпасть из практической жизни – позабыть о хлебе насущном и крыше над головой, мне не давали мои четвероногие друзья. Кай периодически делал стойку и обращал ко мне

свой твёрдый и честный взгляд. Тогда я привязывал нашего славного мерина пощипать травку под деревом, а сам, с ружьём на изготовку, осторожно начинал пробираться сквозь деревья, кустарник, камыши – вместе с Каем. Заросли становились всё гуще; когда под самыми ногами возникала вода, а сквозь камыши начинала проглядывать голубая озёрная гладь. К этому моменту я уже забывал о методе действительного анализа, и мы с Каем превращались в два нерва, принадлежащие какому-то третьему руководящему нами организму. Коротко обменявшись взглядами, дальше мы уже совершенно понимали друг друга даже без них. Кай замирал, поворотом головы показывая мне точное место ближайшего к нам скопления уток, и я, стараясь не хлюпать водой, начинал сквозь прицел искать мишень для своего прицельного выстрела. Услышав грохот ружейного выстрела у себя над головой, Кай бросался в воду. Через минуту-другую над озером раздавался плеск его неравной борьбы с уткой-подранком, которую он спешно доставлял мне в зубах. И тут же вновь, с громким плеском, деловито скрывался в камышах...

В общем, ничто для нас троих не было обузой в нашей длительной лесной прогулке – ни неконтролируемая скоротечность времени, ни его неожиданно наваливающаяся косная медлительность. Мы шли, с трофеями (или без) просёлочными дорогами и лесными тропами, сверяя свой маршрут с небесами и картой местных лесничеств, в которой каждый квартал леса был чётко очерчен и обозначен соответ-

ствующим набором цифр.

Стоял солнечный октябрь; ночами прозрачное небо сияло звёздами, и от холода уже пощипывало щёки, а по утрам мхи и травы были покрыты тонким инеем. В свободные от решения моей творческой задачи, с попутным созерцанием удивительных осенних пейзажей, минуты я заглядывался на своих спутников – всё более тёплыми и родственными чувствами к ним проникаясь, всё сильнее удивляясь им и самому себе.

Какая-то «предысторичность» прочитывалась мною в нашем, в общем-то, временном и случайном прагматическом союзе человека, лошади и волка: казалось, что мы уже целую вечность пересекаем бесконечное пространство, отделяющее нас от обетованного рая, достигнув который под моим водительством, мои спутники наконец-то обретут божественный дар речи, и...

Хотя впрочем, речь пока не об этом...

Первую ночь мы провели в заброшенном домике лесника. Вторую – в пустующем учительском доме в деревеньке, единственными жителями которой на тот момент была пожилая чета бывших сельских функционеров-полуинтеллигентов (у них в доме даже был работающий телефон!).

Для третьей ночевки было выбрано огромное кирпичное сооружение без окон и дверей (и почти без крыши) посреди лугов, окольцованных стеной хвойного леса, бывшее когда-то храмом разорённого в двадцатых годах православно-

го женского монастыря (к слову сказать, ныне восстановленного).

Вокруг опустошённого здания храма, раскинулось заброшенное кладбище обломков сельскохозяйственной техники и деревянных строений – всё насквозь проросшее травой и диким кустарником. Внутри постройки также размещался разнообразный строительный и механический, окаменевший до полной монолитности, хлам.

В общем, ночь посреди этих развалин не сулила комфорта...

Но, когда посреди этого запустения я развёл костёр, ярко осветивший высокие кирпичные стены; затем, под неотрывным благоговейным взглядом спаниеля, испёк на углях двух уток в тесте; и, разделив с Каем нашу охотничью трапезу, поднёс к губам кружку и отхлебнул из неё горячего чая с мёдом и ромом – мир внутри меня вновь заиграл всем многообразием красок!

Я лежал в спальном мешке лицом к костру, щурясь на язычки пламени. Кай, собрав и уничтожив все остатки нашего ужина, тут же забыл о субординации и улёгся рядом со мной спина к спине.

Костёр уже не трещал, не гудел, а уютно потрескивал, тихонько посвистывал и сладко постанывал; слышно было, как где-то совсем близко, укрытый попоной, мерин ритмично хрумкает подмёрзшую, но ещё сочную траву...

В какой-то момент, убаяюканный этими звуками, я и уснул.

Когда я проснулся, костёр едва тлел...

Стояла полная тишина, Кая рядом со мной не было.

Первое, что я почувствовал – стоящие дыбом волосы на моей голове...

Первое, что обратило на себя моё внимание – неправдоподобно огромная и яркая Луна в полнеба, не помещающаяся в размеры разрушенного храмового свода и крыши.

Боковым зрением я улавливал какое-то тягучее движение вокруг себя, но, при повороте головы, видение смещалось дальше на периферию. Я ещё не различал, но ощущал кожей присутствие чего-то абсолютно враждебного, «антиподного» собственной природе, и на языке само собой возникло и шевельнулось, и тут же запечатлелось в сознании слово «нежить»...

Надо сказать, что, в принципе, я склоняюсь к убеждению, что у инфернального зла нет прямого резона демонстрировать человеку свой исконный лик. На самом деле – для чего? Чтобы сломить волю и разум человека омерзением, превосходящим человеческое воображение?..

Почти пять лет прошло с моей первой попытки описать свой мистический опыт общения с выходцами из потустороннего мира, а я до сих пор так и не уверен, что именно со мной случилось на самом деле в ту памятную ночь – было ли всё это наяву, или во сне.

Вообще, с этим «духовидением» имеются существенные проблемы: иной раз факты его косвенно или прямо подтвер-

ждают, а разум стремится отвергнуть или демонстративно им пренебречь.

Человеку свойственно верить, что всё в жизни совершается, по крайней мере, естественно. По крайней мере, до того момента, пока он ещё не уверовал, что его личная сопричастность злу надёжно укрывает мистической бронёй его эфемерное биологическое существование...

Я, собственно, так и живу – сознательно собственным опытом пренебрегая, бессознательно – ни на мгновение не отпуская его на волю из собственной души...

Что бы это ни было на самом деле, расскажу всё так, как запечатлелось в моей памяти – да простят мне мои читатели её досадные пробелы...

Некоторое время я не мог понять, где нахожусь и как тут оказался. Какая-то боковая рябь в глазах смущала меня и понуждала поворачивать голову, в попытке сфокусироваться на ней. Я видел ТЬМУ, подсвеченную огромной и мёртвой Луной, и эта «сценография» взрывала все недавние визуальные шаблоны, возникавшие у меня в голове в качестве сценических фантазий для спектакля по таинственной и весёлой пьесе эстонского драматурга Энна Ветемаа «Святая Су-санна или Школа мастеров»...

Да, реальность протянула мне руку именно в качестве объекта собственной фантазии, и я начал с интересом всматриваться в мир, в котором неожиданно оказался в момент этого внезапного пробуждения.

Луна была действительно огромной и слепой, как бельмо. По периметру стен группировались какие-то подобия человеческих силуэтов, сомнамбулический «танец» которых воспринимался моими глазами, отчасти как собственный дефект моего зрения. Тьма становилась всё более неравномерной – именно там, где предполагалась её наибольшее сгущение и даже «кромешность»: я различал целые группы силуэтов, склонившихся вокруг рассредоточенных по всему обзору пространству мертвенно-синих огней. Но огни были настолько ущербны, что не давали возможности разглядеть в подробности тех, кто вокруг этих огней расположился... Какие-то пьяные, больные и юродивые «калики переходные», облачённые, казалось, в какую-то полуистлевшую мешковину, с которой комьями осыпалась земля. Из кромешного далека пробивался смутный и беспокойный хор, будто тысячи мышей затеяли потасовку с перебранкой в безлюдном соседнем доме.

«Вижу темноту, слышу тишину» – в ясном сознании попытался я собрать и резюмировать свои смутные обрывочные впечатления.

На душе стало ещё более смутно и тревожно сразу, как только мои глаза зафиксировали во внешнем пространстве целенаправленное движение невесть-чего по направлению к самому себе. Движущийся объект, казалось, торопливо и судорожно «стлался» по самой поверхности грунта, огибая подобия человеческих групп, сосредоточенных вокруг

синих огней. Признаки человеческой фигуры, рысью спешащей ко мне на четвереньках, я сумел разглядеть только метров за десять...

Приблизившись ко мне вплотную, человекоподобное существо мгновенно от меня отпрянуло и, изумлённо в меня вперившись, неуверенно покачиваясь, заняло позицию на четвереньках напротив меня. «Меня зовут Нестабильность» – будто пытался мне внушить своим видом этот странный, невозможный, «не совместимый» с жизнью образ.

Между тем, шум «мышинной перебранки», казалось, уже распространился далеко за пределы воображаемого соседнего дома: я начинал различать даже некие человеческие интонации сквозь писк и топот мышинных перебежек, сквозь что-то смутные угрожающие рулады и невнятное подобие смеха.

Неживые, но неотрывные, глаза покачивающегося существа, притаившегося напротив меня, не мигая, на меня смотрели и, казалось, начинали источать более откровенное любопытство. Чёрная кривая расщелина на месте рта неожиданно шевельнулась, и я понял, что образ-призрак произнёс для меня какое-то слово... Какое?

Я мгновенно сосредоточился и корпусом подался вперёд. И тут моё напряжённое сознание безошибочно выдало мне один из недавних хорошо знакомых мне, текстов:

«Чекисты на Рождество 1918 года – спустя пару месяцев после основных событий Петроградского переворота – отловили по ближайшим к Питеру деревням различный со-

мнительный и антиреволюционный элемент, заполонивший вокзалы, дороги и веси самой передовой в мире республики.

В числе прочих, стражи революции прихватили в застенки ГУБ ЧК странного индивидуума, с трудом поддающегося какой-либо социальной идентификации. Разумеется, этот поразивший их святоподобный и пронзительно близкий облик мог носить только коварный и жестокий враг...

Его взяли и расстреляли вместе с остальными богомольцами, по случаю мракобесного контрреволюционного праздника – Рождества Христова.

Злая и в чём-то закономерная ирония заключается в том, что арест и последующая казнь этого человека, отрекомендовавшегося «безумным Иоанном», были совершены, теми же людьми, с которыми несколькими неделями назад это самый Иван устанавливал большевистскую диктатуру в Петрограде... Приятели просто не узнали в нём своего бывшего соратника и расстреляли его за компанию с остальными на всякий случай.

Надо заметить, что он действительно сильно изменился. Какая-то непонятная хворь не только совершенно исказила его внешность, но и внутренне сделала его абсолютно другим человеком...»

«Это проклятое место», – словно колоколом бухнуло в моей голове. Я даже удивился, – «Как же я не почувствовал это сразу»...

Глаза моего странного визави на четвереньках продолжа-

ли смотреть на меня с напряжением, но, к моему несказанному удивлению, почти умиротворённо...

И на этом месте в моей памяти случился первый провал... Помню, что мне удалось разглядеть фигуры и даже лица тех, кто группировался в осквернённом храме вокруг синих огней. Они были одновременно обыденны и кошмарны! Обычные, несколько экзальтированные, потерянные для жизни люди с какими-то малоосмысленными прибаутками на устах и потусторонней мёртвой тоской в глазах...

Помню в какой-то момент всё это исчадие ада вдруг почему-то сильно разгневалось и набросилось на меня – с вилами, с топорами, с огромными овечьими ножницами в руках... Помню, как острый металл входил в моё тело, – обжигающий, глубокой и тупой болью, но совсем не дарящий избавление от неё.

Откуда-то, извне храмового пространства, я вдруг услышал тоскливое завывание Кая. Я бросился к выходу, легко, как оказалось, сметая на пути всё окружающее меня скопище этих унылых монстров... Кая я увидел среди проросшего травой мусора, на заметном возвышении – на фоне лунного неба. Он в торжественной волчьей позе сидел и самозабвенно выл. Я не стал его беспокоить и тут же торопливо огляделся по сторонам – где-то рядом ещё должен пастись мой мерин...

Вокруг храма бродили те же самые «калики переходящие»... Грунтовая часть ландшафта около храма напомина-

ла заросшую травой просёлочную дорогу, по которой давным-давно никто не ездил даже на телеге. Но, внезапно, по какому-то внешнему сигналу, вся местная нежить обернула головы в сторону леса, где начиналась видимая в лунном свете часть той самой, всеми забытой дороги...

Со стороны леса что-то двигалось в нашем направлении, дребезжа и ухая.

«Матушку-Рассею везут!» – раздался чей-то громкий заунывно-торжественный и плаксивый голос; и вся нежить в обозримом мне пространстве, грохнувшись на колени, глумливо и обречённо захихикала, захохотала, загоготала. Я понял, что это, возможно, единственно доступный для нежити плач...

Кай прекратил выть, соскочил с возвышения, подбежал ко мне и встал у ноги в позе своей охотничьей бдительности. Где-то сзади, совсем близко от меня, фыркнул Мерин и коснулся тёплыми губами моего затылка.

Дьявольская повозка уже проезжала у осквернённого храма. Я успел довольно отчётливо разглядеть оседлавших её чертей, – это были натуральные черти – с рогами и хвостами, только необычайно толстые, надменно-торжественные и целеустремлённо-деловитые. Как члены какого-нибудь советского партактива... Повозка миновала, и позади я увидел на ней нагую женщину, прибитую к большой пятиконечной звезде. По тому, что я увидел слёзы на её родном и милом, искажённом страданием, лице, я понял, что она ещё жива,

и до сих пор мучается...

Глава четвёртая.

ГОСТИ С ПОГОСТА

В последних числах февраля 1917-го года в Петрограде, без всяких видимых на то причин, начали выть по ночам вполне цивилизованные домашние собаки.

Ночное ли небо февраля в том году оказалось особо сильным раздражителем для тонкой собачьей психики; призывали ли таким образом наши мохнатые друзья Небесные силы в помощь своим обречённым хозяевам; оплакивали ли в животной тоске свою и близких людей предстоящую долю – осталось для нас абсолютно тёмной страницей истории...

Запомним об этом историческом моменте только одну характерную фоновую, так сказать, деталь: в феврале 1917-го года в Петрограде по ночам, без всяких видимых на то причин, начали очень беспокойно вести себя вполне социализированные домашние питомцы.

В ту ночь няня принесла возбуждённую лохматую Гретхен из кухни в детскую, и пустила её Оленьке в постель. Включила ночник, взяла в руки иллюстрированную Библию и села в своё уютное кресло под уютным же абажуром.

За окном в это время, по безлюдным улицам с мерцающими фонарями, мела поземка. Искрили снежинки, ветер трепал политические плакаты, где-то в соседних домах лохма-

тые питомцы продолжали донимать своих хозяев непонятным душераздирающим воем.

Няня раскрыла Библию и стала читать...

«И был Авель пастырь овец; а Каин был земледелец. Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу. И Авель также принес от первородных стада своего и от тука их.»

За столом под уютным абажуром сидела няня, Вера Родионовна, с Библией в руках; рядом, на своей постели, полулежала Оленька с маленькой, лохматой Гретхен на одеяле. На столе стоял фотографический портрет в рамке. На нем молодой гвардейский кирасир и молодая очаровательная женщина, похожая на ту же Оленьку, – особенно, когда та ещё немного подрастёт. Это Оленькин папа и светлый ангел – Оленькина мама, когда она ещё не заболела и не представилась ко Господу.

Оленька не просто помнит свою маму – она поминает её в своих ежедневных молитвах – и утром и вечером; мысленно беседует с ней, когда лежит под одеялом, готовясь отойти ко сну.

Оленька переводит взгляд на стоящий рядом другой фотопортрет. Мамочка на нем одна, она еще совсем юна, глаза ее светятся задором и счастьем. Она сидит в цветущем дедушкином саду на качелях и улыбается своему невидимому компаньону за фотографическим аппаратом... Оленька и догадывается, и знает, что это ни кто иной, как папенька – ма-

менькин и её, Оленьки, молодой светлый рыцарь. Оленька мечтает сейчас же оказаться на тех же качелях с ними рядом. Но, по правому углу портрет перетянут черной траурной лентой...

Всё это необходимо сегодня Оленьке запомнить – на оставшуюся жизнь. К утру уже не будет – ни няни Веры Родионовны, ни уютных кресла и абажура, ни этих маминых фотографий, окутывающих её жизнь счастливым обещанием-намеком на будущую встречу с теми, кого очень любишь...

– И призрел Господь на Авеля и на дар его; А на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его, – читала няня...

– Он что, позавидовал брату? – живо поинтересовалась Оленька, поглаживая по спине примолкнувшую на её коленях Гретхен.

– На Господа он обиделся. Справедливости захотел, – мягко прокашлявшись, пояснила умница няня, и вдруг резко ощутила на себе неожиданный пристальный взгляд из окна...

За оконным стеклом, как она ни вглядывалась, конечно же, няня не увидела ничего, кроме фонарных отблесков на фасаде дома напротив. Однако внезапно вспыхнувшее беспокойство, похоже, совсем не собиралось её отпустить... Няня заставила себя опустить испуганный взгляд в книгу и продолжить чтение.

«И сказал Господь Каину: почему ты огорчился, и от чего поникло лице твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним.

И сказал Каин Авелю, брату своему: Пойдём в поле. И когда они пришли в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его.»

В этот момент в замочной скважине входной двери в конце коридора что-то щёлкнуло. Ни няня, ни Оленька не услышали этого звука; только тело Гретхен под Оленькиными руками задрожало с новой силой.

Душегуб снаружи открывает отмычкой дверь, осторожно входит внутрь. За ним молча следуют двое бесенят. Скрип половиц. Издалека доносится, постепенно затихая, голос Няни.

«И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему? И сказал Господь: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко мне от земли.»

Душегуб, обернувшись на голос, отворачивается и поднимается по лестнице на второй этаж, сопровождаемый бесенятами. Осматривая обстановку, фамильные портреты на стене, душегуб деловито взламывает шкафчики, ларцы, ящички и т. д. Выгребает всё подряд, без разбора. Бесенята, сунувшись в красный угол, шарахаются от икон; душегуб швыряет на пол иконы и горящую лампаду. Начинается по-

жар. Бесенята радостно прыгают в огне. Душегуб, наполнив мешок и карманы, направляется к выходу. Няня продолжает читать Оленьке Библию.

«И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле...»

Сверху слышен шум, треск огня и тяжёлые шаги по лестнице. В приоткрытую дверь вползают клубы дыма. Няня тревожно встаёт, идет к двери, скрывается за ней. Слышен крик няни, глухой удар, шум от падения грузного тела. Оленька в страхе прячется за кресло и видит в дверном проёме упавшую на пол окровавленную голову Веры Родионовны и руку, выронившую Библию. В дверном проёме показывается душегуб, заглядывает в комнату, затем, повернувшись, идёт к выходу. За дверью разгорается огонь, в нём постепенно растворяются пляшущие бесенята...

Петроградские газеты пестрят сообщениями о событиях невероятных...

«В Петрограде бушует революционная стихия» Митинги и шествия.

«Всеобщая амнистия. Птенцы Керенского улетают на волю» Выход из тюрьмы нескольких забитых революционеров, в частности Каменева в толпе могучих уголовников.

«Германское правительство дало согласие на проезд боль-

ШЕВИКОВ»

«Красный круиз из Швейцарии в Швецию» Погрузка тощими немецкими солдатами продуктов для русских революционеров и пломбирования вагона. В окне политбеседа Ильича с Инессой Арманд.

«Вожди большевиков т. т. Ленин и Зиновьев прибыли в Финляндию» Пограничный столб Российской империи с приколоченной табличкой «Finland», Ленин и Зиновьев, машущие ручками в окно поезда.

Те же Ленин и Зиновьев в окне поезда. Недалеко от железной дороги ряды армейских палаток. В крайней палатке появляется дыра. Руки изнутри раздирают ткань палатки; в отверстии показывается солдат Иван Мошонкин с «сидором» за плечами. Он осторожно выбирается и, пригнувшись, крадётся к железной дороге. Что-то вспомнив, возвращается. Запускает руку в отверстие и достаёт чайник. Крадётся, а затем бежит за поездом; чудом успеваает вскочить на буфер последнего вагона. Поезд удаляется. На буфере покачиваются Иван и чайник.

«4 апреля 1917 года. Петроград. Финляндский вокзал»

За столом Эйно Рахья. На столе груда револьверов и телефон. Рахья ожесточённо крутит ручку, говорит с сильным финским акцентом.

РАХЬЯ Пар-рисня! Пар-рисня! Путил-ловский! (пауза) Путил-ловский?! Ковор-рит Эйно Рахья! Кде вас-си лю-

ди?... А есь тве цысяци по разнар-рят-тке?! Тут вам не рядовое мер-роп-приятие, а встреча возья! Васу мать, мировую бурзуаз-зию!.. Стоб через цяс тве тыс-сяци перет-довых пролетар-риев... с флаг-гами, транспарант-тами и проц-цей нагляд-тной агитацией рат-тостно стояли по марсруту Финлянтский вокзал – дворец Кцесин-нской! Вам ясно?

С грохотом вешает трубку, рассовывает револьверы по карманам и выходит.

Глава пятая. АД ПРИЕХАЛ В ПЕТРОГРАД!

На перроне Финляндского вокзала уже стоял наготове военный оркестр, и собирались шумные толпы встречающих. Могучего телосложения бравый офицер в полной парадной форме лейб-гвардии кирасирского полка Ея Величества, матерясь с сильным французским прононсом, при помощи лёгкого рукоприкладства превращал толпу революционных инвалидов в стройные ряд почётного караула.

Медленно приблизился поезд. Паровоз выпустил пары, окутавшие перрон. Пар рассеялся. Открылась вагонная дверь. По ступенькам осторожно сошла маленькая женщина в пенсне с большими совиными глазами. Быстро исподлобья оглядевшись, она подала руку спускающемуся за ней следом приземистому штатскому, в кепке и с рыжей бородкой. Спустившись, тот, в свою очередь, галантно протянул руку появившейся вслед за ним даме под вуалью. За дамой, в дверном проёме показалась большая кудрявая радостная голова без признаков половой принадлежности, но тут же, приметив ряды почётного караула, испуганно скрылась в вагоне, быстро захлопнув за собой дверь.

Послышалась барабанная дробь, тушем грянул оркестр, и прямо на прижавшихся друг к другу приезжих, чеканным

строевым шагом неотвратимо двинулся кирасирский офицер с обнажённым палашом и красной повязкой на руке. Подойдя вплотную, офицер, лихо взмахнув сверкнувшим клинком, отсалютовал и вогнал этим жестом приезжую троицу в большой ужас.

– Гражданин Ленин! Почётный караул революционных войск Петроградского гарнизона по случаю вашего приезда построен! Начальник караула штабс-капитан Иванов-осьмой!..

Во время рапорта приезжие начали радостно улыбаться, а рыжебородый даже попытался обеими руками одновременно отдать кирасиру честь. Оркестр грянул «Марсельезу», перекрыв радостный гул толпы. Толпа ринулась к вождю с его свитой, подхватила всех (включая изъятого из вагона царапающегося и сучащего ногами Зиновьева) и торжественно понесла их на руках к выходу.

В это время в вокзальном буфете революционные боевики Гера Вурдалак с братишкой Фелей Поршманом, потерявшие в вокзальной толпе своего мучителя-командира, основательно и вдумчиво поправлялись уже не первой кружкой пива с раками. При этом Гера Вурдалак, не моргая, изумлённо тарасился на двух огненно-румяных раков, вальяжно развалившихся, один – на его тарелке, другой – на тарелке Поршмана, и переговаривавшихся между собой в какой-то недоступной для Геры барско-ёрнической манере...

– Хм... «Марсельеза»!.. Сигизмунд Людвигович, что

опять французские союзники приехали? – пугливо вздрагивал рак с Фелиной тарелки.

– Что Вы, сударь, Ипполит Проклыч! – сладко потягивался клещами Герин рак, – Это товарищ Ленин прибыть изволили. Главный большевистский вождь!

– Странно... Почему же «Марсельеза», а не «Дойчланд юбер аллес»?.. – еще больше пугался Фелин экземпляр.

– Ха-ха-ха!.. Шутник вы, Ипполит Проклыч!.. Глядите по сторонам, кабы какой боевичок-с за ваши шуточки вам фрак-с не попортил!..

И, как в воду глядел полуверок. Феня Поршман хапнул скабрезника с тарелки пятернёй, хрустнул напололам и начал обсасывать ароматные части Ипполита Проклыча...

Гера Вурдалак только нервно моргнул ему вслед. А потом поглядел с опаской на Сигизмунда Людвиговича, но притрагиваться к нему не стал – побрезговал... Видимо, посчитал его некошерным.

А из-за буфетного окна уже доносился чей-то, казалось, знакомый, перебиваемый криками и овациями, монотонно-визгливый дискант:

– Товай-ищи! Я уполномочен пейедать вам пламенный пьёолетайский пьивет от пламенного швейцайского и гейманского пьёлетаийата! Уйя, товаищи!

В стороне от процесса торжественной встречи по перрону идёт Эйно Рахья. Виден задний буфер вагона, на котором, скрючившись, спит Иван. Эйно Рахья, сунув два пальца

в рот, оглушительно свистит. Иван с испугу падает с буфера. Рахья и подбежавшие к нему большевики смеются.

РАХЬЯ (строго) Не время смеяться, товар-рис-си!.. (Обращаясь к большевику в кожаном шлеме и очках «консервах») Бронедивизион? Сроцньо броневик воздью м-мирового пролет-тариата!

БОЛЬШЕВИК В ОЧКАХ-КОНСЕРВАХ Бу сделано, товарищ Рахья!

Большевики разбегаются. Иван с трудом вылезает на перрон. Под левым, на глазах опухающим глазом, наливается огромный синяк. Прямо к нему приближается военный патруль – – унтер-офицер и два солдата. Иван пугается.

УНТЕР-ОФИЦЕР Смирно!.. Кто такой?

ИВАН (испуганно) Ни... ни... нижний чин Мошонкин... Иван...

УНТЕР-ОФИЦЕР (наступая на Ивана) Дезертир?

Иван отступает под напором Унтер-офицера, схватившегося за кабуру. Но тут на защиту Ивана грудью встаёт Эйно Рахья с двумя револьверами и переходит в наступление, с каждым шагом выпаливая фразу.

РАХЬЯ Особааетесь, гразданин офисер! Петроградс-ский Сов-вет... рап-поцих и сольтат-тских депутат-тов... постановил, сто... в р-р-революционном П-петрограде нет дезертиров... Все они... зас-ситники... рреволюции!

Отступая, Унтер-офицер спотыкается и падает. Солдаты бросаются его поднимать; патруль ретируется. Рахья рез-

ко поворачивается, ковбойским жестом крутит револьверы на указательных пальцах и с размаху втыкает за ремень.

РАХЬЯ Ну, как?

ИВАН (кланяясь) Благодарствуем, господин хороший...

РАХЬЯ Зап-помни, солдат, господ хороц-щих не бывает-т!

ИВАН (испуганно) За... за... запомнил!..

РАХЬЯ Вопросы есть, товар-рись?

ИВАН А вопрос есть... один... Что делать, а?

РАХЬЯ Сто дел-лать?.. (Делает круглые глаза) А я поц-цём знаю?..

ИВАН А, кто знает?

РАХЬЯ Та, Ленин снает-т! Он – воздь, он все знай-ет!

ИВАН (мечтательно) Ленин... Вот бы яво повидать...

РАХЬЯ Так, беги, пехот-та, за броневиком! Ленин на нём ет-тет!

ИВАН А бежать-то далёко?

РАХЬЯ Недалек-ко, до дворца Кцес-синской.

ИВАН Кце... Ксе... Кщи...

РАХЬЯ (смеясь) Та, латно! Спросис, где большев-вики – теп-пе пок-казут!

Иван радостно, гремя чайником, волоча винтовку бежит вдогонку за толпой. На мгновение останавливается, кланяется Рахье.

ИВАН Благодарствуем, дорогой товарищ... Как тебя там?

РАХЬЯ (смеясь) Рахья!.. Эйн-но Рах-хый-я!

ИВАН Во-во! Век не забуду, ежели запомню.

Иван убегает. Раздаются звуки гормошки, тенор разудало запеваёт: «На ём ботфорты лаковы, банты на шее маковы и дамский ридикуль!..» Камера установлена на мостовой посреди широкой улицы (Невский Проспект). На камеру наезжает броневик с Лениным наверху.

ЛЕНИН (захлёбываясь от энтузиазма) Товай-и-щи! Да здьявствует социалистическая й-еволуция! Уй-я!

Броневик едет в светлую даль, за ним идёт толпа с красными знамёнами. Чуть позже появляется и бежит за броневиком Иван; резко останавливается, осматривается, чешет в затылке, затем поворачивает в сторону. Его ноги по щиколотки в шелухе от семечек.

ИВАН (поёт)

Ходили по панели
Папахи и шинели...
Солдат... Солдат...
Заполнил Петроград
Тяперь всяму народу
Фявраль принёс свободу...
Уря!.. Ур-ря!
В России нет царя!
Наверно в Петрограде
Мы кое-что загадим...
Терпи, буржуй
И а-на-на-сы жуй!

На немца шли всем миром,
Но стал я дезентиром,
Потом... потом
Незнамо кем с ружжом.
Теперь не знаю, братцы,
Куды же мне податься...
В Кшесю... Кшеси...
Поди-ка расспроси!
А там бывает часто
Товарищ головастый...
Не тля, не вошь,
А пролетарский вождь!
Товарищ с наганами
Сказал, что Ленин – с нами,
И он, и он
Мне позарез нужен!

В самом воздухе явственно ощущалось, что в Питер не только пришла весна, но – весна особенная, небывалая – «революционная»... Город давно не убирался; мусор и помои сносились жителями прямо на улицу и вываливался в многочисленные смердящие кучи, в которых копошились собаки и разный бедовый люд, растаскивая отходы и хлам по всей улице. Ноги местами по щиколотку утопали в шелухе от семечек. Народу на улицах попадалось много самого разношёрстного. Большею частью народ был празден, общително криклив и весел. Около памятника Екатерине происходило массовое гулянье с танцами под гармонь. Увидев чу-

довищные наросты птичьего помёта на царственных голове, плечах и грудях императрицы, Иван, остолбенев, уронил челюсть и изумлённо вякнул:

– Помыть бы царицу-матушку, а!.. Граждане христиане!?!..

– Так некому! – весело отозвался из толпы некто в пенсне и клеёнчатой шляпчонке, – Начальство ушло. Дворник державный и всяческий дворник стушевался... Да и зачем? Свобода гражданам – свобода и воробьям!

В этот момент гражданин Антонов-Овсеенко монументально подымает голову к небу, и тут невидимый воробей загаживает ему пенсне. Иван фыркает и давится от смеха. К Ивану сзади подкрадывается 1-й урка, хлопает его по левому плечу и, пока Иван оборачивается, заходит с другой стороны, хватает винтовку и тянет к себе. Иван не поддаётся. Состязания по перетягиванию винтовки прерывает подошедший 2-й урка с красным бантом на груди. 2-й урка старше, солиднее и явно «авторитетнее» первого. 1-й урка резко отпускает винтовку, Иван падает.

2-й УРКА Ша, мальчик!..

1-й УРКА Ба... Какие люди на свободе!.. Прыщ!

2-й УРКА Не Прыщ, а товарищ Прыщ!.. (показывает на красный бант) Оставь винтарь в покое! Это оружие не для нас.

1-й УРКА Но...

2-й УРКА (проникновенно) А что ты скажешь о новень-

ком... чёрненьком... пахнущем свеженькой смазкой... во-
лыне системы Нагана... (поигрывает револьвером перед но-
сом коллеги)

1-й УРКА (пытаясь ухватить револьвер) Сколько?

2-й УРКА (вырывая револьвер) Совершенно бесплатно...

1-й УРКА Где?

2-й УРКА Тут рядом, во дворце Кшесинской... Я дам ре-
комендацию...

Иван внимательно прислушивается.

1-й УРКА Куда?

2-й УРКА В большевики!.. Понял? Они всем своим нага-
ны выдают...

Иван вмешивается в разговор.

ИВАН Эй, товариш-ши, возьмите меня с собой!

1-й УРКА Хиляй, служивый, от нас подальше...

2-й УРКА Уж больно от тебя окопом воняет... (зажимает
нос)

ИВАН Хорошо, хорошо...

Иван отступает на пару шагов и идёт следом за урками.

1-й УРКА А меня примут?

2-й УРКА Не смеши меня, мальчик!.. (сурово, как на до-
просе) Происхождение?!

1-й УРКА (На мгновение остолбенев, заливается хохотом)
Дворянское столбовое! Рожден на Охте, во дворе,
за дровяным сараем!..

2-й УРКА (с юморком) О-о!.. Рабоче-крестьянское! (су-

рово) В тюрьме-на-каторге бывал?

1-й УРКА (Торжественно) Литера «Р»!.. Рецидивист!

2-й УРКА Не рецидивист, а пострадавший от царскому режиму!.. Кобу-налетчика знаешь?

1-й УРКА (презрительно) Кто Кобу не знает! Странный он..

2-й УРКА (усмехаясь) Так, он у них в паханах. Хоть и не в главных... Мне лично рекомендацию в партию давал... Да, и общак у большевиков – о-го-го... (сурово, как на допросе) Чем промышляешь?

1-й УРКА Чем-чем... Гоп-стопом, гоп-стопом и ещё раз гоп-стопом!

2-й УРКА Смени «феню», мальчик! Теперь у нас не «гоп-стоп», а «экспроприация»!.. То же самое, но как идейно обоснованно...

Урки, смеясь, идут во дворец Кшесинской. Иван – за ними.

ИВАН (снова запекает)

По Питеру всё дальше
Идёт Мошонкин Ваньша...
Причём, учти,
По верному пути!
Эх, мать моя – крестьянка!
Про всю, про жисть-жестянку,
Спрошу, придя,
Я батюшку-вождя...

Избавь, товарищ Ленин,
От классовых сомнений!
Ильич!.. Ильич!..
Всю правду расталдычь!

Глава шестая. ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ НАСЛАЖДЕНИЙ

Митингующийся народ молча лузгал семечки, с ленивым любопытством вслушиваясь, о чём вещал с балкона лысый сердитый оратор, не умеющий, при случае, даже правильно выговорить фразу «фаршированная рыба, товарищи!». В толпе митингующегося народа торжественным полушопотом эту фразу передавали друг другу уже в нескольких местах

– Това-ищи! – говорил сердитый докладчик, – Тъебуйте отставки буйжуазного Въеменного Пьявительства!... Миы – хижинам, война – двойцам!.. Вся власть Советам Ябочих и Солдатских Депутатов!.. Фабьики – ябочим, земля – къестьянам, миы – наёдам! Каждому голодному – хлеба, каждому бездомному – двойец, каждому ябочему – станок, каждому къестьянину – лошадь, каждой лошади – сено, каждому сену – собаку, каждой собаке – кость, каждой блохе – тоже собаку!.. Да здъявствует социалистическая еволюция! У-я!

«Может, и не фелшер даже. Может, даже натуральный цельный дохтур!» – помечталось Ивану, глядящему снизу на суетливого и малопрезентабельного лысого фелшерешку.

– Ничё не понимаю, – встрепенувшись, сердито поморщился Иван, пытаясь понять, о чём идёт речь, – Мобуть, по-

ближе подойти?...

Пока Иван, колотя винтовкой по спинам митингующихся и по-деревенски слегка вычурно при этом раскланиваясь и извиняясь, пробирался к входной дворцовой двери, митингующийся народ что-то трижды хором проорал, прогалдел и, гудя бодрыми, громкими, решительными, но уже частными голосами, незаметно и решительно куда-то рассосался.

Заветная входная, красивая как конфетка, дверь перед самым носом Ивана вдруг резко распахнулась, и от удара по лбу Иван присел на брусчатку. Из распахнутой двери показался товарищ Эйно Рахья с двумя револьверами наизготовку. Не обратив излишнего внимания на ушибленного дверью Ивана, он осмотрелся, обернулся и поманил кого-то рукой. Вслед за Рахья из особняка быстрым шагом вышли товарищи Ленин, Зиновьев с раскрытым блокнотом, в котором он что-то строчил карандашом, и семенящая за ними следом Мария Ильинична Ульянова с бутербродами на подносе. Кавалькада миновала ошарашенного Ивана и направилась в сторону переуллка.

Ивану оставалось только подняться с брусчатки и шагнуть в открытую дверь...

Старший матрос Поршман в этот момент нёс своё революционное дежурство за письменным столом в бывшем гардеробном зале с зеркалами, прикидывая в уме варианты, как провести эту дежурную ночь с наибольшей для себя пользой и удовольствием.

Дверь открылась, и в помещение буквально втокнулся (или воткнулся) вооружённый трёхлинейкой и оловянным чайником, обескураженный Иван с красным лицом и вытаращенными глазами...

Ощущая себя при важном официальном исполнении, дежурный матрос построил зверское лицо, глянув на вошедшего пристально и сурово, затем широко улыбнулся и, будто огрев плёткой коренного рысака, с места понёс в галоп...

– Ба-а, какие люди! – Ну, входи, входи, срань окопная, не бзди. Ну, здорово, что ль! Как там тебя?

– Нижний чин, Престолопоклонный Иван! – вставил Иван.

– Здравствуй, Иван!

– Здорово, товарищ!

– Флот пехоте не товарищ!.. Мы – братва! Дай-ка пять! Старший матрос Поршман-Боеголовкин, Феликс Давыдович! Для близких друзей и блядей – просто Феликс.

– Здравия желаем, товарищ Пенник!..

– Здорово, Ванюша!.. Давай-ка почеломкаемся. Царский режим мандой накрылся, теперь все люди – братья!

– Ито, правда, браток! – согласился Иван, поспешно утерев себе лицо рукавом, – Давай, что ли, похристосуемся... М-м-м-м... Чмо! Чмо! Чмо!

Матрос, как вампир, впился в Ивановы губы, которые тут же онемели и утратили всякую чувствительность.

«Ха! З-з-з-з... Ч-вок! Ч-вак! Чу-фыкс!» – клокотало

и булькало во рту у Ивана, где безраздельно хозяйничал огромный раскалённый язык, казалось, не только самого дежурного матроса Поршмана, но и всего революционного балтийского морфлота.

– Воистину того, товарищ Пеникс! – чуть не подавился воздухом полужадушенный Иван, когда матрос Поршман, с усилием невероятным, оторвался наконец от своей жертвы.

– Х-х-х! Ф-ф-ф-ф-ф, – отдувался Поршман.

– Товарищ Пеникс... Браток, а ты, часом, куревом не богат? – робко поинтересовался Иван.

– Ф-с-з-з! Табаку, Вань, не держим...

– Ан, врёшь, браток... А гумажка на что?

– Дура... Это ж для марафету.

– Чаво?

– Ну, это... для кокаину, – качнувшись, Поршман направился к своему дежурному посту за столом.

– Ча-во? – оживился Иван, услышав интересное незнакомое слово.

– Да, для дури, деревня.

– Для ду-у-ури?.. – по-детски изумился Иван.

– А ты сам попробуй. Накося... Да, ты винтарь отставь, чайником не греми! Вот. Зырь на меня, – Поршман носом потянул из рассыпанной щепотки бумажной трубочкой белый порошок, крикнул и передал трубочку Ивану, – Потяни. Ну! Н-ну...

– Х-р... Б-хай! Б-хай! Бхек-к! Р-р-р-р... – болезненно отреагировал Иван, выпрямляясь над столом с испачканным белым кончиком носа.

– Ну? Н-ну?, – настаивал Поршман.

– Х-хи! Х-х-хо! Бхек-бхек... Б-хе-хе-хек! Х-р-р...

– Н-ну-у?

– Х-р-р-р-р... Пропст!

– Как-как?

– Госпр! Х-р-р-р-р...

– А ты, Вань, как думал!

Слёзы брызнули из голубых Ивановых глаз.

– Про-поди-гос-сти! Х-р-р-р... Про-гос-сти-поди! Х-р-р-р!
р! Х-р-р-р...

– Сивушки для полировочки, Вань? Чистый янтарь!

– Х-ха! Г-га... И-и-грэк-ха! Грэ-к-ха! Прос-ти, Гос-поди... Ик! Ик! От... И-и-и-и... Б-б-хай! Б-б-б-хай! Б-б-б-б-ха-ха-хай... Господи, прости... От-т, пробуровило, мать твою!

Поршман удовлетворённо откинулся на стуле.

– Вань, станцуем?

– Ажно, вопре! Ф-ф-ф-ф, – обратил Иван свой светлый взор к потолку, ладонями размазывая слёзы на мокром круглом лице.

– Шинелку-то скидавай! Щас я тебя фрейлиной разодену – лебеда будешь представлять, – не унимался Поршман, – Вань, всё скидавай!

– Батюшки... Кто это? В углу стоять, зубьми лязгаеть? – встрепенулся Иван.

– Штаны, штаны сымай!

– В углу! Кто это? Сам без порток, рожа красная... Зубьями скрыпить! – уточнил Иван, указывая пальцем в сторону стенового зеркала в углу зала.

– Вань, патефон это... Щас музыку заведём! – попытался утихомирить Ивана Поршман, поднимаясь со стула.

– От, глазами лупает, чёрт...

В следующее мгновение матрос Поршман взвился над Иваном, как коршун; и служивые мигом сплелись в единый живой клубок!

– А-а-а!

– Ваня!

– Не за-ма-а-а-ай! А-а-а! Отын-ди!

– Ваня... Ваня, не бось!

– Подсуропь! А-а-а! Подсур-ропь, говор-рю!

– Ва-ню-ша, не фор-ды-бачь!

– От-тынди, аспид-д! А-а-а... Да, п-подсур-ропь же-ж, м-мать т-твою... А-а-а!

– Ва-ню-шеч-ка!

– Не замай! А-а-а...

– Пирожок ты мой сла-день-кий...

– Ой! Нут-тря трещ-щать! От-тлип-пни, с-свол-лочь... В-в-а-а-а-а-а-а!

– Ват-ру-шеч-ка-а-а-а...

– В-а-а-а! Аспид! Я ж тока – махорочки одолжить... В-в-а-а-а-а-а!

Поршман соскочил с Ивана и в сладком бессилии повалился навзничь на кушетку, – Уф-ф-ф-ф! Ванюша, не горюй: табачок с меня... «Иру» курить будешь!

– Ва-а-а-а-а! – совсем сокрушённо по-бабьи заголосил стоящий на четвереньках посреди зала Иван.

– Вань, ты на флот не серчай, – умиротворённо проворковал Поршман, – моряки – народ душевный! У меня, после перепихляндии, на главном месте – поэзия... Вот, Вань, послухай!

Твоя гроза меня у-м-чала
И опр-рокинула меня.
И надо мною тихо встала
Синь умир-рающего дня.
Я на земле грозою смятый
И опр-рокинутый лежу.
И слышу дальние раскаты,
И вижу р-радуги межу.
Взойду по ней, по семицветной
И незапятнанной стезе —
С улыбкой тихой и приветной
Смотреть в глаза твоей манде...

Вань, правда, красиво? – с восторженной улыбкой обратился матрос Поршман к своему новому сухопутному другу.

Иван сидел на полу, изумлённо обводя взглядом стены и потолок...

– Ой, кто это? Гля-гля: в воздушных воспарять, – ткнул Иван во что-то пальцем у себя под самым носом, – Ой, то-вариш-ши, чудо-то како! Ой... Ноженьки от землицы отрываються...

Иван испугался и резко вскочил; и его – со спущенными по самые обмотки штанами – круто повело в сторону. Пытаясь удержаться, Иван схватился за дверцу шкафа; дверца открылась, балетные пачки вывалились на пол... Иван с удивлением уставился на странные воздушные одеяния, развешанные в раскрытом шкафу.

За спиной Ивана возник Поршман. Он протянув руку, взял одно из платьев Кшесинской и с размаху надел его прямо на Ивана. Иван с трудом успел освободить себе руки.

С потолка грянуло адажио из «Лебединого озера» Петра Ильича Чайковского. Поршман, приосанившись, тут же повёл мужскую партию, Иван (а что делать?) – женскую... Со спущенными штанами и на пуантах армейских ботинок с обмотками, между прочим...

Танцевали сперва в комнатах, затем незаметно переместились на лестницы дворца Кшесинской. Выглянули и на «ленинский балкончик», с которого Поршман, сильно раскрутившись, вдруг швырнул Ивана вон...

И Иван, вращаясь в виртуозном фуэте, полетел на фоне звездного неба, мимо шпиля Адмиралтейства – за пределы

Петрограда...

Медный Всадник рукой приветливо помахал ему вслед.

Конь под Медным Всадником рвется ввысь, сучит и перебирает передними копытами, напряженно приседает, пытаясь оторвать задние ноги от каменного подножия. Змей под его копытами, шипя и извиваясь, тоже рвется на волю... Ночная чухонская земля начинает проплывать у Ивана далеко под ногами.

Леса, луга, ручьи, реки, болота, валуны, скалы... Ровная гладь озера, освещенная полной луной.

Глава седьмая.

ПЕРВЫЙ СОН ИВАНА

Неожиданно налетел вихрь... Небо резко потемнело. В беспроглядном мраке вьется снежная метель. Тревожная музыка звучит в ушах у Ивана...

Сквозь снежные вихри становится различим ночной хвойный лес, покрытые снегом валуны и скалы, гладь закованной в лед реки. По равнине едет кибитка, запряжённая тройкой лошадей. Лошади стали. Извозчик привстаёт на облучке, пытается сквозь выюгу разглядеть силуэт, неясно различимый в поле.

Полузасыпанное снегом, распростертое на сугробе тело в тулупе и лаптях... Рука, торчащая из сугроба, крепко сжимает початый штоф...

Вот так, неприкаянной, как ноябрь, весной года 1725 от Рождества Христова, под завывания февральской выюги, сменившей у полуночи апрельский ливень, и приснился рабу Божьему Ивану тяжелый и смутный сон...

Во сне увидел Ванюша большой, торжественно убранный зал. В зале том воздух мутен, как топлёный воск. Шитые золотом державные орлы запрокинули царственные головы на тяжелых бархатных хоругвях. Сквозь свечное мутное курево мерцает злато-белый горделиво вознесшийся свод...

Иван в форме рядового Преображенского полка, времен царствования Петра Великого, уверенно движется по залу. На месте синяка под левым глазом у Ивана – еройская черная повязка.

Меж двумя неподвижными фигурами преображенцев белет чье-то восковое лицо, меченное задранными вверх черными ниточками усов...

– Се Антихрист-батюшка! – узнал Иван своего знакомого Императора, – Доцарствовался, значится, кот казанский! Это что же таперича с Росеей-то будет?..

Иван-преображенец вдруг по-гвардейски выпрямляется, кричит громоподобное «Виват!», и церемониальным маршем направляется ко гробу императора. Ему наперерез выскакивает некто Хромой Мусью маленького роста, подпрыгивающий на тонких ножках, со шпагой на богатой перевязи, в огромном черном парике.

Откуда ни возьмись, Хромой Мусью, как мухомор, перед ним вырос – весь в бантах и рюшках!.. Трётся Мусью вокруг Ивана, трясет своей немецкой головой в паричке и говорит ему такае слова...

– Бон суаг – пг-имите соболезнование! Потегя невосполнимая, но не извольте убиваться досмегти... А позвольте-ка лучше, шегг ами, по добгому месопотамскому обычаю, живьем вас в землю захогонить, ядышком с госудагем импега-тогом-батюшкой, – дабы ему на том свете сомнений по воинской части не пгедвиделось, а вам, батенька, чтобы гьяждан-

ским сиготой по юдоли слез, за гади Хъиста, не мыкаться...

Ванюшка только рот успел разинуть, а на него уже сам светлейший Александр Данилович Меншиков прёт!

– Поди, служивый – говорит Светлейший, – к полковому казначею, получи у него отпускную и, что за службу полагается. Пусть, также, он тебе новую амуницию выдаст; скажи – светлейший велел. Он знает. И сапоги чтобы новые дал. Приди и мне доложи... В тайную небесную канцелярию направляешься по высочайшему именному повелению, а не вымя у козла искать!..

Зайдешь к каптенармусу, он тебе чарочку отпустит, дабы тебе не заробеть, когда мы приуготовимся из пушки тобой стрельнуть... Но, не боле! – Пред Господом предстанешь, а не пред лошадиным задом... Так чтоб лыко – вязал!

Сумление взяло Ивана, услышавшего сии Светлейшего речи...

– Ваше сиятельство! Я со всей, то есть, готовностью – во славу короны российской... Однако, распорядитесь, Христом Богом прошу, надежного пыжа в орудие вставить! – предложил Светлейшему Иван...

– Это еще какого-такого «пыжа»? – насупился Меншиков, прерьительно раздувая ноздри.

– Дык ведь... ваше сиятельство! – заробел вдруг Иван, – Я, конечно, со всей готовностью, ежели приказ дан... Однако, что, ежели при выстреле, то есть! Пятки огнем опалит?!.. Да и казенных сапог жалко...

– Ты же у нас, дура, ногами вперед лететь будешь! – сопя и наливаясь кровью, с расстановкой изрёк Светлейший, – Как же ты, дура, умудиришься себе пятки огнем опалить?!

– Виноват, ваше сиятельство! – совсем ретировался и поник бедный Иван, – А это правда, что дура...

Упал тут Иван на четвереньки, да на лаковый паркет, и попластунски, да в штаб полка пополз... А кругом него сплошь парчево-бархатные кафтаны колышутся – в кружевах и в золоте. Обомлел Иван, паркета под собой не чуёт!

Мать честная! Сплошные козыри в колоде: енарал – на обмарале, обмарал – на хермалшаре, хермалшар – на дуплемате иноземном...

Одни, попонятливее, говорят: надрался гвардейчик – царёв любимец! Вишь, как простой народ за государя убивается!

Другие, видать, сами надрамшись, видать, за кота дворецкого Ванюшку принимают – палочками ему вокруг носа вертят и, как-бы с котом, с ним заигрывают: «кис-кисэ?» Ползет Иван промеж атласных штанов на вольный свет, ан света все нету, да нету...

Нету, да нету...

Иван ползёт по загаженному паркету во Дворце Кшесинской, мучительно приподнимает голову от паркета. Рядом с ним, полосатым животом кверху, распластался Поршман, раскидав руки и ноги в широченных, как юбки, клешах. Ему тоже плохо: матрос мучительно крутит во сне головой, гром-

ко пердит и стонет.

На полу валяются бумажные трубочки, просыпанный белый порошок. У изголовья Поршмана, стоит четвертная недопитая бутылка с мутновато-желтой жидкостью и наполовину наполненная оловянная кружка.

Иван тянет руку к кружке, но... сил дотянуться у него нет. Он падает лицом вниз и издает тяжелый, как звериный рык, стон.

Матрос, словно в ответ, залпом пускает густые рассыпчатые трели...

Тьма. Гул и шум в больных головах Поршмана и Ивана. Тяжелые шаги сотрясают их болящие черепа...

Зловещий багровый свет немного разгоняет мрак. Призрак Коммунизма с лицом душегуба, огромный, красный и страшный, носком грязного сапога шевелит физиономию Ивана и Поршмана. Бедняги открывают глаза. Иван с трудом фокусирует свой взгляд на призраке.

– Ты... ты кто? – спрашивает Иван.

– Я, етить-твою мать – призрак... Призрак Коммунизма, етить-твою мать!

– Господи поми..., – пытается перекреститься Иван.

– Молчать! – орёт призрак страшным голосом, от которого вот-вот у Ивана взорвётся голова, – Нет Бога! Нет Бога! Нет Бога!..

Я за него! Молчать и слушать!..

Ныне я принёс вам завет новейший.

Сотвори себе кумира из вождя твоего, и поклонись ему...
и послужи ему... и поминай его всякий раз... и по делу...
и всуе...

Чти не отца твоего и не мать твою... Отцы твои – вожди,
а мать – партия!.. И, нет тебе другого родства!..

И возжелай, возжелай, возжелай!..

Возжелай жены ближнего своего и прелюбодействуй...

Возжелай дому его, села его, всего достояния его и со-
лги...

Возжелай чужого и укради... Возжелай чужого и убий...
И хозяина убий... и родных его... и ближних его...

Да будет кровь их на знамени твоём и на руках твоих...

И да не усомнишься ты в словах моих и делах твоих...

И да пребуду я здесь отныне и во веки веков!

– Аминь! – обречённо всхлипнул измученный Иван.

– Ур-ра!.. – просипел серый, как зола, матрос Поршман.

– Вот, теперича, етить-твою мать – это таки да! То-то же! –
удовлетворённо согласился Призрак Коммунизма, медленно
растворяясь в спёртом от сивухи воздухе.

Глава восьмая. ГУЛЯНИЯ НА ВАСИЛЬЕВСКОМ

В кадрах кинохроники Петроград совершенно обезумел...

«В Петрограде бушует революционная стихия»

Митинги и шествия Транспаранты «Долой Гучкова!», «Долой Милюкова!», «Долой войну!».

«Конференция РСДРП (большевиков)»

Небольшой зал, заполненный курящими и аплодирующими большевиками. Ленин на трибуне. Вожди второго плана в президиуме. Молодой Сталин сдержанно аплодирует с трубкой в руке.

«Множатся ряды большевиков»

На двери табличка «Запись в большевики». Перед дверью очередь. Протискивающиеся в обратном направлении прячут револьверы.

«Кронштадт. Июнь 1917г.»

Питерский интеллигент (то есть прилично одетый господин непролетарской наружности в хорошем костюме и с тросточкой) смотрит вместе с Оленькой на море и чаек. Достает из кармана яблоко и угощает им девочку. Оленька похудела, лицо осунувшееся и грустное. Она берет яблоко в руки и долго, не понимая, смотрит на него. Она, на-

конец, поглаживает и нюхает яблоко, очевидно не решаясь его тут же, на месте, есть. Группа революционных матросов, с ними Иван и бесенята, под гармошку гуляют по набережной. Чуть сзади прогуливаются Антонов-Овсеенко в своей впоследствии знаменитой шляпчонке и Джон Рид с блокнотом и в клетчатой кепке с ушами, застёгнутыми на макушке. Бесенята подбегают к Оленьке. Они дёргают её за платье и косички и отнимают яблоко. Матрос отвешивает бесенятам подзатыльники и отбирает яблоко.

1 МАТРОС Эх, яблочко...

Гармонист растягивает меха и начинает наяривать. Матрос, откусив один раз, подбрасывает яблоко и стреляет в него из маузера. Компания окружает Интеллекта, оттесняя его от Оленьки.

1 МАТРОС (поёт)

Эх, яблочко,
Да ты матросское...
Угощай, буржуй
Папироскою!
Отбирает папиросу у интеллекта.

2 МАТРОС (отбирая у интеллекта несколько папирос)

Угощай, буржуй,
Браточков «Ирою»,
А не то весь портсигар

Спроприирую!

Выхватывает портсигар.

3 МАТРОС (отбирая у интеллигента бумажник, часы)

Спроприирую спроприатора,
Изведу тебя как класс, сплуататора!

Матрос отбирает у интеллигента тросточку и театрально
замахивается. Интеллигент, отпрянув, натывается на штык
Ивана. Вся компания ржёт.

ИВАН (поёт)

Эх, яблочко,
Да с червоточиной,
А не хочешь ли, буржуй,
Штык отточенный?

Те из матросов, у которых в руках винтовки со штыками,
включаются в забаву.

4 МАТРОС (поёт)

Штык отточенный,
Да острый очен-но...
Похихикаешь, штыком
Защекоченный!

Интеллигент с трудом ретируется, берет на руки и уносит

с собой плачущую Оленьку. Матросы свистят ему вслед и весело отплясывают матросский танец.

У берега стоит большой корабль, броненосец «Петропавловск». На нём происходит самосуд над адмиралом и офицерами. Председатель судебного комитета по складам читает бумажку с приговором под всё то же «Яблочко».

– Команда линейного корабля «Петропавловск», не желая обидеть свой революционный корабль, заявляет, что таким контрреволюционерам нет места в свободной стране. А потому настаивает, чтобы их не было в живых!

Матросы «Петропавловска» подгоняют штыками связанных, с камнями на шеях, сначала Адмирала, потом Офицеров по доске за борт, пытаются надеть им на головы мешки. Среди них появляется призрак коммунизма в одежде пирата.

– Эх, яблочко,
Да с боку алое...
Будем рыб кормить
Адмиралами!

Адмирал, закрыв глаза и прочитав губами молитву, сам шагает за борт.

Эх, яблочко,
Да ветка серая...
Будем рыб кормить
Офицерами!

Офицеры с разной степенью мужества следуют примеру адмирала. Матросы и призрак коммунизма поднимают чёрный флаг с черепом и костями и надписью «Смерть буржуям».

Антонов-Овсеенко и Джон Рид восторженно смотрят на это.

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО (Джону Риду) Не забудьте записать, Джон! Самосуды – вещь самая необходимая! Общее святое дело пострадало бы, если бы их оставили на воле. Всё принято во внимание и расчёт. Никаких лишних жертв!

Глава девятая.

РЕВОЛЮЦИЯ НАВСЕГДА!

«Идёт подготовка к наступлению на фронте» Генералы, склонились над картой.

«Продолжаются происки большевистских агитаторов в армии и на флоте» Сомнительного вида агитаторы в шинелях и бушлатах с чужого плеча устраивают митинги, раздают листовки и т. д.

«Левые радикалы объединяются. Сближение межрайонной группы Троцкого с ленинцами»

Ленин и Троцкий улыбаются и жмут друг другу руки а-ля дипломаты на приёме в окружении радостных большевиков.

«Сегодня и ежедневно... В цирке «Модерн»...» Афишная тумба с афишей цирка «Модерн». На афише рычащая львиная морда.

«Лев...»

Крупно: львиная морда.

«Троцкий!» Большая кисть мажет львиную морду клеем, руки прикладывают и разглаживают портрет Троцкого.

Переполненный цирк «Модерн». Рабочие, солдаты, «пролетарские мадонны», кормящие младенцев. Троцкий, отчаянно жестикулируя, говорит зажигательную речь. Иногда задевает руками стоящих вокруг. Те не обижаются, а напротив,

радостно, но сильно хлопают Троцкого по спине, по плечу или по затылку. Окончивший речь Троцкий по головам слушателей выползает из зала, на ходу здороваясь с родными и знакомыми.

Улица у цирка «Модерн». Из двери выходит несколько помятый Троцкий, поправляет одежду. Он делает несколько быстрых шагов, резко останавливается и слышит быстрые шаги за спиной. Троцкий делает ещё несколько быстрых шагов, нащупывает в кармане револьвер и резко оборачивается. На него налетает студент Познанский.

ТРОЦКИЙ (грозно) Что Вам нужно?!

ПОЗНАНСКИЙ (с преданностью во взоре) Студент Познанский! Позвольте охранять Вас, в цирк приходят и враги...

К ним подходит Мороженщик и от доброго сердца протягивает Троцкому мороженое.

МОРОЖЕНЩИК Угощайтесь, Лев Давыдович!

Познанский стреляет Мороженщику в лоб. Тот падает. Троцкий недоумённо смотрит на Познанского. Познанский, виновато потупившись, неловко прячет револьвер.

ПОЗНАНСКИЙ (skonфуженно, но убежденно) Мороженое представляет опасность для Вашего горла, а Оно есть ценнейшее достояние революции!

Троцкий, немного подумав, удовлетворённо кивает, делает приглашающий жест рукой, и они с Познанским садятся в автомобиль.

ТРОЦКИЙ (шофёру) В Таврический! На Съезд Советов!
Мотор ревёт и кашляет. Машина уезжает.

Над входом в Таврический транспарант: «Привет участникам 1-го Всероссийского съезда Советов Рабочих и Солдатских депутатов!»

В зале, в основном, приличная публика. Пиджаки, галстуки, военные и полувойенные мундиры. Большевиков небольшая кучка: Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Держинский, Эйно Рахья, примкнувший к ним Троцкий. На трибуне выступает кадет.

КАДЕТ Россия оказалась недостойной той свободы, которую она завоевала. Мы видим массу дурных инстинктов, вышедших наружу: мы видим нежелание работать, нежелание сознавать свой долг перед родиной! Мы видим, что во время жестокой войны наша страна есть страна празднеств, митингов и разговоров!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.